

тие, предполагает понимание и истолкование конкретных фактических данных. Эти данные становятся фактами, имеющими уголовно-правовое значение, лишь вследствие правовой интерпретации. В.В. Суслов, опираясь на исследования П. Рикёра, делает вывод о том, что следователь при проведении, например, осмотра места происшествия имеет дело не с предметами, а с их символами. Обыденные бытовые предметы в ходе осмотра в связи с совершенным преступлением приобретают «косвенный, иносказательный смысл, становятся символами, модальность которых нуждается в декодировании, интерпретации» [5, с. 117]. Если рассматривать природу символа в рациональном аспекте, то символ содержит в себе данные о предмете, которые были выведены логическим путем при обработке чувственных впечатлений. Символ можно представить как форму, в которой человеческий разум преобразует проявления внешнего мира. В процессе квалификации преступления правоприменитель интерпретирует соответствующие символы, рассматривает их как возможные источники доказательств и, таким образом, устанавливает, как говорят философы, интерпретированное бытие. В этом смысле познавательная деятельность уполномоченного лица всегда выводит его на проблемное поле герменевтики. Это лицо предстает не неким отражающим субъектом, а человеком, познающим, понимающим и интерпретирующим имеющиеся фактические данные, которые он должен оценить как познающий субъект. При этом правоприменитель, проводя соответствующее процессуальное действие, должен понять и истолковать имеющиеся фактические данные с точки зрения требований об относимости доказательств.

Определение круга фактических обстоятельств дела обусловлено толкованием смысла уголовно-правовой нормы. В противном случае лицо, осуществляющее квалификацию преступления, не сможет определить, какие фактические данные имеют уголовно-правовое значение и какая норма подлежит применению при конкретных обстоятельствах. В аспекте квалификации преступления уполномоченное лицо постигает смысл уголовно-правовой нормы и в целом возникшую уголовно-правовую ситуацию с точки зрения конкретного события преступления.

Таким образом, квалификация преступления в рамках герменевтического круга образует собой когнитивное движение от уголовно-правовой ситуации (целого) к совершенному преступному деянию (части) и наоборот. Согласно правилу циркулярности, обусловленной логикой герменевтического круга, повторное возвращение от целого к части и от части к целому меняет и углубляет понимание смысла части. Понимание развивается до того конечного момента (девинационной транспозиции), когда для квалификатора окончательно становится яс-

ной суть происшедшего преступного события, следовательно его социально-правовая оценка.

1. Шуман А.Н. Диалектика Шлейермахера // Философская логика: истоки и эволюция. Минск, 2001. С. 156–172.
2. Дильтей В. Описательная психология. М. : Современ. гуманитар. ун-т, 2001. 132 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. ; общ. ред., вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
5. Суслов В.В. Герменевтика и юридическое толкование // Государство и право. 1997. № 6. С. 115–118.

УДК 343.21

*А.Л. Савенок, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь*

## **ЧЕЛОВЕК В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ, ИЛИ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Одной из задач УК Республики Беларусь является охрана человека. Указанная задача вытекает из ст. 2 Конституции Республики Беларусь, в которой говорится, что человек является высшей ценностью общества и государства. Реализация указанного положения в рамках уголовно-правовой политики государства предполагает рассмотрение человека в уголовном праве не только в качестве объекта защиты, где он выступает как потерпевший от преступления, но и лица, совершившего преступление и выступающего элементом состава преступления (субъект преступления). В этой связи общество (государство) всегда находится перед непростым выбором. Усиление уголовной ответственности может привести к избыточной криминализации и пенализации, а смягчение – к необоснованной декриминализации и депенализации. Неоправданное движение в ту или другую сторону, грозит серьезными социальными издержками. Следовательно, борьба за сохранение человека приводит к определенному дуализму: чтобы защитить человека, человеком нужно пожертвовать. Именно поэтому современное уголовное законодательство, защищая человека, предусматривает целый комплекс наказаний, предусматривающих не только лишение материальных благ (штраф, конфи-

скация имущества) и свободы (ограничение свободы, лишение свободы, пожизненное заключение), но и лишение самого дорогого – жизни человека (смертная казнь).

В литературе справедливо отмечается, что уголовный закон все активнее вторгается в различные сферы общественных отношений. В этом можно легко убедиться, сравнивая количество статей УК и их наименование с ранее действовавшим уголовным законодательством. Такое положение дел обусловлено прежде всего возрастающей дифференциацией экономики и всей общественной жизни. Особое воздействие на человека оказывает развитие техники, которая интенсивно меняет не только окружающую действительность, но и его самого. Автомобили, компьютеры, телефоны и прочая техника обновляются с такой быстротой, что человек не успевает их освоить и становится уязвимым перед лицом научно-технического прогресса. Увеличиваясь в количестве и совершенствуясь, техника вытесняет человека из привычного для него пространства, «захватывая» все новые и новые «территории». Множество людей помимо своей воли втянуты в виртуальную реальность, возвращаться из которой им становится все сложнее. Необходимость постоянной социализации требует от человека невероятных усилий и отнимает значительную часть его жизни, поскольку скорость смены событий огромна и человеческим сознанием в большей части они не охватываются. Старость – символ мудрости предстает сегодня как символ беспомощности. Ценности, формировавшиеся веками и являющиеся базисной сферой, в течение жизни одного поколения перестают быть таковыми. Очевидно, что в своем бытии человек подошел к точке невозврата, после прохождения которой на его место придет дубль или симулякр. Погружаясь в материальное и техническое сущее, общество стремительно расчеловечивается. В угоду идее прогресса человек пожертвовал собой. Именно поэтому, говоря о кризисных явлениях современности, необходимо выяснить, что же лежало в основе тех ценностей, на которых построено сегодняшнее общество. Следовательно основной задачей права, в том числе и уголовного, должна стать защита тех ценностей, которые отвечают истинным потребностям человека. При этом сам человек и привычная для него среда обитания, безусловно, должны рассматриваться как высшая ценность.

Вместе с тем анализ статей УК приводит к неутешительному выводу. Несмотря на закрепление в Конституции указанных выше декларативных положений, каких-либо приоритетов по охране человека в уголовном законе не установлено. Из текста ст. 2 УК вытекает, что человек наряду с другими общественными отношениями охраняется точно так же, как собственность, права юридических лиц, установленный порядок и др. Об отсутствии приоритетов в защите человека ярко свиде-

тельствуют санкции статей Особенной части УК. Например, ч. 1 ст. 139 предусматривает ответственность за убийство в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет. Такой же максимальный срок лишения свободы предусмотрен за получение взятки (ч. 3 ст. 430). Более того, учитывая, что санкция ч. 3 ст. 430 предусматривает также обязательную конфискацию имущества и лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, то по верхней границе она является более строгой, чем санкция ч. 1 ст. 139. Если же проанализировать ответственность за посягательство на интересы государства, то в ряде случаев она строже, чем ответственность за убийство. Так, за измену государству (ч. 1 ст. 356) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 15 лет. Следовательно закрепление в Конституции положения о человеке как высшей ценности не нашло своего безусловного отражения в уголовном законе.

Кажущееся на первый взгляд недоразумение в вопросах охраны человека уголовно-правовыми средствами является следствием целого ряда проблем методологического свойства. Дело в том, что понимание правовых ценностей прямо зависит, с одной стороны, от понимания самого права, с другой – от представления о сущности объекта уголовно-правовой охраны.

Пытаясь решить задачу иерархии системы ценностей, ученые в области уголовного права не предприняли серьезных попыток разобраться в сущности (конституции) человека как объекте уголовно-правовой охраны. Кроме того, широко идущие дискуссии в общей теории и философии права о необходимости поиска путей выхода из антропологического кризиса, разработки отвечающих нынешним реалиям типов правопонимания уголовно-правовой наукой почти не анализируются и не осваиваются. Теория уголовного права за последние столетия мало изменилась и почивает на лаврах широко известных, но давно потерявших актуальность основных направлений (школ) уголовного права. Складывается впечатление, что отечественная уголовно-правовая наука, сформировавшись в рамках позитивизма и классического типа научной рациональности, «застряла» в них навсегда. Продекларированные ожидания перемен в уголовном праве пока остаются лишь ожиданиями. Для исправления существующего положения ученым необходимо предпринять серьезные усилия по формированию иерархии ценностей в уголовном законе и разработке соответствующего инструментария по ее воплощению. Кроме того, серьезному осмыслению подлежат те концептуальные положения, на которых он построен. В противном случае ожидание ожидания может стать длительным процессом.

Говоря о концептуальном подходе формирования уголовного закона отметим, что его целесообразно выстроить по принципу «ядро – периферия». Безусловно, ядро должно аккумулировать уголовно-правовые нормы, охраняющие человека. Они могут именоваться базовыми. Вторую группу должны образовывать уголовно-правовые нормы, направленные на защиту интересов государства. Их условно можно назвать политическими. И, наконец, третья группа должна состоять из уголовно-правовых норм перманентного свойства. Нормы, которые должны составить первую и вторую группы, имеют место во всех уголовных законах и являются достаточно устойчивыми. Что касается третьей группы, то она изменчива, обуславливается конкретными проблемами, возникающими в обществе в определенный исторический период.

Рассматривая проблему охраны человека, отметим, что в УК речь идет прежде всего о его жизни и здоровье. Однако, как представляется, угрозу для человека представляет не только причинение ему физического вреда. Как известно, человек сочетает в себе биологические и социальные качества. Иными словами, человек предстает в своей сущности как биосоциальное существо. В сохранении человека как биологического вида ключевое значение имеет дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК), которая обеспечивает хранение, передачу из поколения в поколение и реализацию генетической программы развития и функционирования. Второй важной составляющей человека является его социальная часть, поскольку человек – существо социальное, он часть общественного организма. В этом смысле человек то, что он делает, говорит, мыслит. Биологическая часть человека в определенном смысле конечна, а сказанное им вечно. Для сохранения человека как вида социального необходимо сохранять его культурный код, который формируется в процессе социализации в течение длительного времени. Как и знания, культурный код по наследству не передается. Если разрушение ДНК ведет к физической гибели человека, то разрушение культурного кода влечет за собой необратимые социальные изменения, поэтому уголовный закон должен в равной мере охранять биологическую и социальную часть человека как его биосоциальное единство.

В УК имеется достаточно большое количество статей, охраняющих жизнь и здоровье человека. О важности сохранения биологической составляющей человека достаточно давно и подробно говорится в уголовно-правовой литературе. Отрадно отметить, что в последние годы появилось значительное число публикаций, посвященных необходимости охраны природы. И хотя посягательство на среду обитания человека прямо не связывают с посягательством на его здоровье или жизнь, тем не менее важность ее защиты уже ни у кого не вызывает сомнений. Немало сказано

о необходимости обеспечения производства безвредных для организма человека продуктов питания, в том числе генно-модифицированных, а также медикаментов и всего того, что может разрушать ДНК человека.

В то же время об опасности разрушения социальной составляющей человека и целесообразности внесения соответствующих статей в уголовный закон по ее защите, публикаций почти нет. После распада СССР при создании национального законодательства, в том числе и уголовного, этому вопросу мало уделялось внимания. Более того, многие положения западной идеологической модели, включенные в нормативные правовые акты Республики Беларусь, были восприняты как нечто самое передовое. Так, на законодательном уровне закреплено, что УК основывается на «общеизвестных принципах и нормах международного права» (ч. 3 ст. 1). При этом мало кто в те годы задумывался, что общеизвестные принципы таковыми не являются и в определенных случаях могут использоваться как инструмент давления на различные страны. Что же касается отдельных положений норм международного права, то их формулировки часто толкуются исходя из политической конъюнктуры.

Закрепление в национальном законодательстве положений подобного рода не является чем-то безобидным, а ко многому обязывает. Так, в настоящее время ценностью в западных странах признается возможность заключения однополых браков. Если на это явление смотреть только глазами современника, то вроде ничего страшного не происходит, поскольку свобода самовыражения является неотъемлемой составляющей теории прав человека. Однако если это явление рассматривать парадигмально, в контексте либеральной концепции прав человека, то картина будет иной. На протяжении последних двух веков либерализм планомерно освобождается от различных форм коллективной идентичности: религиозной (свобода вероисповедания), этнической (свобода местожительства, космополитизм), национальной (свобода передвижения), классовой (всеобщее равенство). Признание однополых браков есть ничто иное, как разрушение гендерной идентичности. Это явление современности является всего лишь звеном в цепи последовательных исторических событий. Можно быть уверенным, что в дальнейшем при сохранении и доминировании в мире либеральной идеологической модели процесс разрушения идентичности не только коллективной, но и отдельного человека будет продолжаться. Последствием станет разрушение привычной социальной среды жизнедеятельности человека, его культурного кода. Следовательно изучать и использовать чужой опыт разумно и полезно. Однако включать в уголовный закон различного рода положения, которые могут причинять существенный вред подавляющему большинству общества в интересах

меньшинства, представляется нецелесообразным. Осознавая вредность таких «преобразований» для человека, надо ввести в УК нормы, направленные на защиту его идентичности.

Формирование иерархии ценностей и закрепление ее в нормах уголовного закона является важной, но промежуточной задачей. Без осознания необходимости антропологического поворота в теории и философии права путем помещения человека в центр Правового, решить вопросы концептуального свойства будет невозможно. Сегодня человек смещен на периферию не только в праве, но и других областях общественной жизни, и прежде всего в экономике. Вернуть человека из периферии в центр Правового будет невозможно без кардинального пересмотра ряда базовых положений, в том числе и такого деликатного, как вопрос о частной собственности. Особое внимание следует уделить возвращению находящихся сегодня на периферии общественной жизни религиозных начал существования человечества. Как представляется, смысл всех преобразований, в том числе и в сфере права, должен согласовываться со смыслом бытия человека. Охраняя общественные отношения уголовно-правовыми средствами, лишая при этом человека материальных благ, свободы, а иногда и жизни, необходимо четко представлять, ради чего (кого) все это делается.

Очевидно, что задача по формированию и закреплению иерархии ценностей в УК не может быть решена только с помощью юридической техники. Ее осуществление возможно лишь в рамках соответствующей правовой концепции, разработанной с теорией более высокого уровня, поскольку понять смысл того или иного явления возможно исключительно при его соотношении с явлением более широкого плана. Традиционно можно обозначить два пути решения данной задачи. Первый путь является наиболее простым и заключается в использовании имеющихся шаблонов и возможностей существующих в настоящее время правовых концепций (классических и постклассических). Второй более сложный и видится в разработке новой теоретической модели, отвечающей современным представлениям о сущности (конституции) человека. Возвышаясь до уровня социального творчества, такая модель должна быть построена на национальных традициях и быть свободной от идеологического влияния других цивилизаций, имеющих в своей основе иные ценности. Взяв все лучшее, что было в прошлом, теоретическая модель должна быть выстроена с учетом нового осмысления идеала социальной справедливости.

Вместе с тем отметим, что ни одна теория сама по себе не решит главный вопрос – сохранение человека и окружающей среды такими,

какими они были последние несколько тысяч лет. Теория – это всего лишь инструментарий, и преувеличивать ее значение не нужно. В некотором смысле здесь можно провести аналогию с языками программирования, которые используются для написания компьютерных программ. Как известно, язык программирования не имеет принципиального значения для написания той или иной компьютерной программы, точно так же, как знание языка не является основным показателем профессионализма программиста. Язык – это то, с помощью чего программист выражает свои мысли, решая возникшую задачу. Нужно уметь «правильно» думать, предвидеть результаты своих идей. Следовательно, представляя существующую или разрабатывая новую концепцию права, необходимо ясно понимать, чего мы хотим достичь, используя ее методологический аппарат.

В настоящее время теория права представлена целым рядом концепций права (правопонимания). Одни из них существуют длительное время, другие возникли недавно. Однако почти все они имеют одни корни, так как сформировались в условиях или непосредственно под влиянием идей либерализма. Не говоря о достоинствах и недостатках имеющихся концепций, об этом немало написано в научной литературе, ясно одно – с их помощью не удалось решить возникшие проблемы современности. Очевидно, что существующее в настоящее время право, в том числе и уголовное, не стало тем барьером, который остановил бы приближение антропологической катастрофы, поэтому сегодня нужна такая концепция права, которая даст юристам действенный метод, будет востребована на уровне конкретных отраслей и иметь четкую практическую направленность. Идеи, сформулированные на уровне философии и теории права, так и останутся идеями, если они не будут направлены на интересы отраслей и конкретного человека, что, собственно, и происходит в настоящее время. Как представляется, наиболее перспективным в разработке современной концепции является антропологическое направление. Причем в ее основу должны быть положены идеи, прямо противоположные тем идеологическим воззрениям, которые доминируют последние столетия.

Таким образом, ближайшей и неотложной задачей философов и юристов является разработка современной концепции права, которая сохранит возможность для человека оставаться самим собой. Однако в условиях явного дефицита времени специалистам в области уголовного права не следует находиться в ожидании готовых рецептов. Как показывает опыт, их не будет, а отраслевая наука должна самостоятельно обращаться не только к философии права, но и к фундаментальной

философии. В связи с этим важно сейчас приступить к формированию новой концепции уголовного закона с учетом приоритета ценностей. Новый уголовный закон должен представлять не орудие борьбы с преступностью, а прежде всего быть средством сохранения ценностей. Кроме того, для формирования соответствующей научной среды нужно как можно быстрее внести изменения в учебные планы и ввести изучение на юридических факультетах такой дисциплины, как юридическая антропология (антропология права).

УДК 342.72

*Д.Г. Василевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела по надзору за исполнением природоохранного и земельного законодательства Генеральной прокуратуры Республики Беларусь*

## ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ПРАВО НА СМЕРТЬ

В литературе высказана мысль, что право на жизнь означает право человека распоряжаться своей жизнью, включая и право на самоубийство [1, с. 52]. Однако эту точку зрения нельзя поддержать по моральным соображениям: общество должно исходя из целей своего бытия стремиться не к упадку, а торжеству жизни, продолжению человеческого рода. Расширение понимания права на жизнь, в том числе и права на самоубийство, если это не продиктовано объективными обстоятельствами, влечет негативные последствия, поскольку создает впечатление, что это нормальное явление. Но это противоречит природе человека, которому дана жизнь. Можно, конечно, привести примеры исключительных обстоятельств, когда человек вынужденно уходит из этого мира. Так, нередко в годы войны, чтобы избежать пленения и пыток, солдаты, партизаны лишали себя жизни сами, порой одновременно забирая и жизни врага. Существуют и юридические аргументы против расширительного понимания права на жизнь, включающего и право на смерть. Так, если допустить существование права на смерть, то тогда государство или граждане нарушают это право, когда предотвращают попытку самоубийства. В таком случае их следует привлекать к ответственности за нарушение этого права. Однако общество должно думать не о саморазрушении, а о самозащите, поэтому жизнь является большей ценностью, чем ее антипод.

В Беларуси проблема самоубийства (суицида) стоит очень остро. Беларусь входит в число лидеров по уровню самоубийств в мире.

Более понятно расхождение позиций авторов относительно оценки и приемлемости эвтаназии, в частности активной эвтаназии. В данном случае следует учитывать комплекс факторов – правовых, религиозных, нравственных. Что же касается самоубийств, то, полагаем, что общество обязано принимать все меры для того, чтобы предотвращать подобные явления.

Заслуживает поддержки требование о закрытии интернет-сайтов, на которых размещается информация о призывах к совершению самоубийства и способах его совершения, а также об установлении ответственности за размещение соответствующих видеороликов, приравняв к уголовной ответственности за распространение наркотиков и порнографии [2, с. 6].

Сторонники признания права на самоубийство сами часто попадают в ловушку: когда они убеждают в необходимости отмены смертной казни, то часто апеллируют к религиозным догматам, когда же ведут речь о суицидах, то этот аргумент не принимают в расчет. При исследовании проблем, связанных с существованием и отменой смертной казни, часто упускают из виду, что в западных странах, где она отменена, полицейские имеют значительно больше возможностей (прав) лишить жизни предполагаемого преступника при его задержании. Такого рода случаев лишения жизни значительно больше, нежели в Беларуси, в том числе с учетом вынесенных приговоров о смертной казни. На наш взгляд, это одна из важных характеристик гуманности белорусского государства, его правоохранительной системы.

Разумеется, нельзя устанавливать юридическую ответственность за покушение на самоубийство, но отрицательная оценка такого поступка может быть, поскольку такие люди причиняют помимо всего прочего страдания своим близким. Православная церковь осуждает такие деяния. Самоубийцы обычно не отпеваются священником, ранее принято было их хоронить за пределами кладбища, при Петре I тела самоубийц тащили по улицам в назидание другим.

Судя по всему, человечеству придется пройти еще через многие испытания в виде пропаганды сомнительных экспериментов с человеческой жизнью, культа насилия, обесценивания жизни человека. Это как раз и выливается в массовые самоубийства, пропаганду того, что право на жизнь равноценно праву на смерть. В настоящее время не только пособия по самоубийствам размещаются в интернете, но даже снимаются фильмы. Так, в одной из газет анонсировалось, что в борьбу за приз среди фильмов «вступает триллер Владимира Мирзоева „Человек, который знал все“. Он снят по роману Игоря Сахновского о человеке, который после попытки суицида обрел мистический дар видеть будущее. И получать наслаждение от собственных страданий...» [3, с. 7].